

Скрытые имена вещей

Во Всемирном клубе одесситов поэт Влада Ильинская представила свою вторую книжку стихов «Анекдоты о дожде». Проще всего было бы согласиться с мастыгим автором предисловия к этому изданию Виктором Ерофеевым, который заметил, что стихи Влады «... не крик коллективной души, а её прощальный полёт» ... Но, суждения о поэзии – столь же изобильны, сколь сами её образцы. Если говорить о форме, как феномене мерной, гармонизированной речи и привычном «широкому загаду» признаке поэзии – он присутствует в книжке в разнообразном проявлении – в ритмике, в рифме, в верлибре. Если же обратиться к содержанию, то стихи Влады, на мой взгляд – безусловно, – явление и по форме, и по содержанию. Она извлекает на поверхность и представляет нам скрытые имена вещей, чувств, событий, превращая эти интимные, глубоко личные вещи в существующие, осязаемые, бытийные и ... почти понятные. И, если считать, что слова «красота» и «поэзия» – синонимы, отличая красоту от красоты, то книга Влады это вполне подтверждает. Я – не

литературовед, не знаю к какому творческому направлению и жанру принадлежат стихи Влады, но, как написал Поль Валери, о целях и методах поэзии «... молчат те, кто их знает, а судят те, кто не знает», – очень хорошо знаю, что способности к стихосложению и поэтические способности – далеко не одно и то же. Поэтому, рад отметить, что перед нами зрелый и тонкий поэт, с ярко выраженной индивидуальностью, своеобразно сочетающий глубокий интим – с публичностью. Не знаю в каких единицах измеряется масштаб поэтического творчества, но вспоминаются, вполне подходящие к случаю, слова Н. И. Харджиева: «В поэзии, что пятак, что рубль – всё едино, главное – чтобы не фальшиво». И, никакой это не прощальный полёт, а взлёт души и искреннее стремление к свету. Поздравляя Владу и нас с выходом этой книжки, приведу часть своего «опуса», посвящённого этому событию:

*Я очень серьёзно тебя прошу
В искренность слов моих
этих поверить ;
Хотелось, конечно, но не согрешу -
Гармонию строк твоих
алгеброй мерить.
Тебя рано постигла глубокая грусть.
Неужто, так много уже за плечами?
Хотя, если в меру – ну что же, пусть,
Не бывает поэта совсем без печали...
Все же ты вспоминай почаще
Истину крайне простую эту -
Ищущий, право, всегда обрящет,
Радость, отнюдь, не вредна поэту...
И рифмы подвластны тебе
и верлибр,
Суждения зрелые, образы – вживе,
Мелодия, смысл, и высокий «калибр»,
Но главное всё – впереди,*

*в перспективе!
Я знаю – многие нас не поймут
И отнюдь не хочу я
прослыть демагогом,
Но, пожалуйста, ты оставайся тут
И, по мере сил, пререкайся с Б-гом...*

Леонид АВЕРБУХ

21 марта – Всемирный день поэзии

Майя ДИМЕРЛИ

воскресный день. разбитое стекло
посуда бьется к счастью и назло
назло придуман кем-то род овечий
и гроздь виноградные висят
и окуни беззвучно голосят
и волосы мои уже по плечи
отпущены. отпущены стихи
и человек несложный от сохи
мне явственно представится пред-
течей
и я достану старую тетрадь
и стану на руках ее качать
она испустит стих как вздох по-
следний
пусть дьякон от заутрени к обедне
бредет через псалтырь
от сих до сих...

Илья РЕЙДЕРМАН

Когда мы, распростёршись ниц,
лежим, забыв свои стремленья,
то впору спрашивать у птиц,
как им даётся одоление
всей нашей тяжести земной.
Их лёгкость где – в душе ли, в теле?
В просторном небе надо мной
они летят. На самом деле –
летят! Сумей, пока не поздно
вмиг оторваться от забот,
всем существом бросаясь в воздух,
осознавая: вот – полёт...
О, перестать себя жалеть.
Презреть язык житейской прозы.
То птичий крик – иль смех сквозь
слёзы?
Но боже, как легко лететь....

Владислав КИТИК

У ВОЛОШИНА
Лиловый киммерийский Крым
Открыл свою ретроспективу.
Могильный камень, а над ним
Седое дерево – олива.

Я путник давешней тропы.
И так желанно, что не страшно
По волоку чужой судьбы
Пройти сквозь каждый день вче-
рашний.

И птичий слушая галдеж,
Ты, притворяться здесь не смея,
Чужую жизнь переживешь,
Чем сделаешь свою длиннее.

Но следовать чужим путям
Нельзя: они уведут в осень
минувшего.
Чужим смертям
Грешно завидовать и вовсе.

Свобода, тишина и труд...
Чего еще желать поэту?
А люди, что к нему идут,
Морские камешки несут
К надгробью. И мелеет Лета.

Ирма ПЕТРОВА

Убийца вычислит убийцу
В цветной толпе беспечных тел,
Ведь своего однопартийца,
Какую маску б не надел,
Кто по походке,
Кто по взгляду –
Рыбак увидит рыбака,
Узрит открытую дверь ада:
«Не дрогнет, бро, твоя рука!»
И пресвятой анагезии
На сцену рано выходить –
Смотри на скулы, кисти, спину,
И ты сумеешь отличить
В асимметрии силы века,
Скрывающего холод глаз,
Средь масс простого человека
Его и в профиль, и в анфас.
Рефлексом или мелким жестом –
Он тайну выкажет свою,
Ведь молчаливым манифестом
Меняется лицо в бою.

Но только строго не судите
Вы уличенного в грехе –
Что в преподобном, что в бандите
Лежит частица божьих схем.

Анастасия ЗИНЕВИЧ

Мир, отраженный в капле дождя,
жизнь, что открыло впервые дитя
на пороге грядущих утр –
откроет заново тот, кто мудр.

С шепотом ветра в листве
соединю шепот молитвы.
И огоньки фонарей соединю
с солнцем незримым внутри.
Все, что я вижу в окне -
только лишь отблеск,
обещание мира другого.
...Нет, мир останется тот же,
только глаза мне вынут и вложат
иные.

Михаил СОН

за эти под луною не-гулянья
готов ответ
раскроют нежный рот для цело-
ванья
зажимы и ланцет

когда сильнее разгорятся свечи
заметно вдруг
что как перчатки спутаны пред-
плечья
и кисти рук

о сколько их творивших эту без-
дну
отверженной любви
осенним днем мелькнуло и исчез-
ло
с поверхности земли

как тихо умирает нежный голос
в тумане городском
застынет все что пело и боролось
на блюде золотом

когда же сладкий шок новокаина
наскучит и пройдет
ее глазам как драгоценным ви-
нам
настанет свой черед

Тая НАЙДЕНКО

Как будто всё тепло ушло наружу.
Мы выстыли, мы вымерзли, нам
хуже,
Чем было в январе – вообрази!
Противно на себя глядеть вблизи,
Всё главное случается не с нами.
Мы всё ещё своё волочим зная,
Но кто упал – так и лежит в грязи.

Как будто мы чего-то расхотели,
На чём держалось главное, и в теле
Нет больше ни кости. И поделом.
Нас так пугал случайный перелом,
Безумие зимы, ожоги лета,

Анна СТРЕМИНСКАЯ

Дрожь пробегает по телу земли – несутся составы.
Как саксофон в джаз-оркестре – гудок паровоза!
Земля постарела со дня сотворенья и лечит суставы,
с поэзии древних времен переходя на прозу,
переходя на язык технологий гордый.
Только по-прежнему кто-то тоскует в лесах и саваннах:
крик прорезает бархат ночи потертый...
Птичий ли крик, человеческий? Охотник? Странник?
Только по-прежнему много живущих в чащах –
тысячи глаз притаились меж трав и деревьев.
Как же вместить целый мир – шелестящий, кричащий,
как уберечь от беды тот оазис древний?

Мертвым дельфином лежит на песке природа,
мертвую птицей падает перед нами.
Мы проезжаем, и все слышней год от года,
как все сильнее трещит земля под ногами.

Что нам и не положено скелета.
Оставили бы место за столом!

Как будто стол накрыт, и гости в
сборе.
Но отмечают праздник или горе –
Не разобрать по лицам. Тишина.
Свет падает из битого окна
И делит мир на мелочи, которым
Нет имени. Теперь задёрни што-
ры
И назови мне эти имена.

Ольга НОВАК

Заслонку реальности
лбом прошибить
пытаюсь, ломаю кости.
Я к этому телу приклеена жить,
А может быть просто в гости?
Рассвет отпуская, скажите, зачем
Закат ожидаю тОгчас?
И в непроходимости

жизненных схем
Глаза закрываю. Корчась
Мой разум вынмлет

посылу небес –
Без споров готов убедиться
Во всей бесполезности

прошлых аскез
И всей благодати – сторицей!
Как виден мне север и юг души
На карте душевных кАлек,
Так ропот всплывает –

души не души,
Со дна Марианских впадин.
Так центростремительно

падает вдруг
С вершины моей Джомолунгмы
Всё то, что теперь замыкает круг
Движенья тарелок лунных.

Владислава ИЛЬИНСКАЯ

зима спускается
на все
слои сюжета
прихрамывая, карусель
оставит гетто
вспоров пространства требуху,
струится небо,
и пахнет снегом
чуть-чуть набрать его в ладонь,
не надо больше...
уже мерещится кордон –
ползком из Польши.
петлю затягивает быль,
а жизнь – небыль.
всего глоток, но нет воды –
хотя бы снега...
и жаждой жалкою влеком,
и сажей полон
он отдаётся целиком
на волю волн
морских, ударных, звуковых –
его контузят...
всего глоток,
но нет воды
во всем союзе,
и обезвоженный конвой
уходит в небо,
и дети воют за стеной
и просят снега.